

Алиева В.Н.

ОТЫМЕННЫЕ ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕСЛОГИ В СФЕРЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ).

Предлоги, образованные путем перехода из имен существительных, весьма своеобразны. Развивая значение падежей имен существительных, производные предлоги обогащают эти значения разными смысловыми оттенками.

Находясь в центре предложного сочетания, отыменные предлоги особенно широко и ярко выражают в русском языке пространственные и временные отношения. Это объясняется, вероятно, тем, что пространство и время стали осознаваться человеком гораздо раньше и уже на их базе стали развиваться другие виды грамматических отношенийⁱ.

"Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира (локума). Локум - это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношенийⁱⁱ.

Пространственные отношения разнообразны по оттенкам значения и формам выражения. Прежде всего их можно разделить на две группы, в которых мы выделяем соответственно направление и место. Первые отвечают на учебно-исследовательские вопросы где? в каком месте?; вторые - куда? откуда? с какого места? до какого места? Как отмечают М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский, сема статичности – это "неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит наиболее яркое выражение в отношениях местонахождения, сема динамичности предполагает изменение сорасположения предмета и локума (удаление, приближение, прохождение)..."ⁱⁱⁱ. Это оппозиции, которые М. В. Ломоносов определил формулой где-куда-откуда^{iv}. Он же и указал три ряда параллельных форм с производными предлогами: у - к - от; в - из - в; на - с - на. Значение этих предлогов осложняется другой семантикой, например, значение предлога в конструкциях типа ехать в город осложняется значением направленности действия внутрь, в пределы чего-либо; значение предлога к в конструкциях типа идти к реке - оттенком приближения к предмету, названному зависимым именем.

Учитывая трехмерность пространства, большинство пространственных конструкций в русском языке, исходя из семантики, обычно располагают по двум осям: горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной оси размещаются пространственные конструкции со значением местонахождения, на вертикальной - конструкции со значением направления.

Для пространственных конструкций важным компонентом значения является сопостранственность, расстояние между предметами, удаление или приближение их друг к другу. Отметим, что в тюркских языках, не без влияния русской лингвистической традиции, иногда используют в качестве основания для классификации служебных имен пространственной ориентации признак совпадения или несовпадения смежных плоскостей. Как справедливо пишет А.М. Щербак, тюркские послелогов [служебные имена] "разграничиваются не по степени примыкания смежных плоскостей ("непосредственно за домом", "подальше от дома"), а по характеру передаваемых ими пространственных значений"^v; ср.: эв артында 'за домом', эв янында 'около дома'. В крымскотатарском языке не наблюдается разграничения ближнего и дальнего планов, (ср. русское на и над), поэтому один и тот же послелог передает различную "степень примыкания" к предмету: артында – 'за', 'позади' (непосредственно на некотором расстоянии), тышында – 'вне', 'снаружи' (близко и на расстоянии).

Итак, следует иметь в виду, что система значений, определяющих характер пространственных отношений в русском и крымскотатарском языках, своеобразна и по-своему специфична. "... Ни одна грамматика не выражает всех возможных деталей взаимоотношений между предметами материального мира. Язык может выражать результаты познания человеком окружающего мира всей совокупностью своих средств. Поэтому логическое мышление и общая совокупность средств языка является всеобъемлющими, грамматика же всегда избирательна"^{vi}.

Как показывают наши наблюдения, наибольшее количество производных предлогов, выражающих пространственные отношения в русском языке – отадвербиального происхождения (около, возле, мимо, вдоль, вслед и под.).

Посредством отсубстантивных предлогов, как правило, передаются пространственные отношения, конкретизирующие местонахождение предмета внутри какого-либо объема или на его поверхности, в определенном месте одной из координат: впереди - позади, слева - справа, вверху - внизу, а также называются соответствующие направления.

Группа пространственных предлогов пополнилась новыми образованиями, которые существовали к концу XVIII века. Это производные предлоги в направлении, в сторону. Процесс утраты категориального значения предметности в именном компоненте предлога в направлении (действие по значению глагола 'направлять') был связан с преодолением тех ограничений, которыми сопровождалось употребление формы предложного падежа слова направление в сочетании с предлогом в [в направлении] для выражения пространственных отношений. В этом значении данная форма способна функционировать только в составе таких конструкций, обязательным элементом которых является согласованное определяющее слово типа двигаться в каком-нибудь (прямом, обратном, противоположном и др.) направлении. Этим дистрибутивные возможности форманта в направлении исчерпываются; сочетаемость с зависимым именем, то есть способность функционировать в условиях двусторонних синтаксических связей, ему не свойственна.

При определенных условиях становится возможным развитие новых, необычных для имени существительного направление синтаксических и смысловых связей. Реализация этих возможностей связана со сближением соче-

тания в направлении по выражаемому им значению с формой винительного падежа в сочетании с предлогом в. В результате того, что сочетание в направлении может соединяться только с глаголами направленного действия, возникает сложное взаимодействие между значением самой формы сочетания и семантикой слова направление. В связи с этим сочетание в направлении по характеру выражаемого значения сближается с предлогом в + винительный падеж: конструкции типа идти в каком-нибудь направлении, так же, как и конструкции типа идти в город, выражают значение: 'действие и сторона, в которую оно направляется' (а не: действие и место, в пределах которого действие совершается)^{vii}. Этим открывается путь для употребления слова направление в той же форме и в том же значении в условиях двусторонних синтаксических связей, то есть в таких условиях, когда сочетание в направлении связано не только с глаголом, но и с зависимым именем, называющим не субъект действия, а явление, предмет или лицо как место, как пространственный ориентир, в сторону которого устремлено действие; обычно - направленное движение. Например: ...давление передается в направлении действия силы.

В результате развития новых синтаксических связей предметное значение именного компонента сочетания в направлении утрачивается, и само это сочетание выполняет уже только связующую роль, выступая в значении, близком к тому, которое выражается с помощью предлога к (с дательным падежом) – 'направленность действия в сторону какого-нибудь предмета', но без оттенка непосредственного приближения к нему (ср.: идти в направлении деревни и идти к деревне).

Позднее (XIV-XX вв.) в семантике этого предлога на базе пространственного развивается более обобщенное лексическое значение: соединяя отвлеченные глаголы направленного действия с зависимым отглагольным (или семантически соотносительным с глаголом) именем, предлог в направлении выступает уже в значении обобщенного указания на общую направленность действия, например: ...сделала несколько крупных шагов в направлении открытости своей военной деятельности (из газет). Эта тенденция (усиление степени обобщенности лексического значения в направлении) получает дальнейшее развитие. Употребительность данного предлога для выражения пространственных отношений сокращается, функционирование сочетания в направлении в более обобщенном значении (для указания на общую направленность действия на что-нибудь), представленное в XIX в. единичными примерами Е.Т. Черкасовой, в наше время расширяется. Предлог в направлении выражает значение, указывающее целевую направленность действия ('для чего-нибудь', 'с целью достижения чего-нибудь'), например: политика в направлении смягчения международной напряженности; авиацию использовать в направлении помощи народному хозяйству (из газет).

Формирование пространственного предлога в сторону происходит в конце XIX - начале XX вв., в отличие от предлога со стороны, семантической базой образования которого было то значение, которое развилось в слове сторона в специальном его употреблении, оно опиралось на лексическое значение того же имени, укрепившегося в общем употреблении (направление).

Пути сближения сочетания в сторону, принадлежащего к разряду предлогов в отличие от сочетания в направлении, оказались более прямыми и легкими: релятивность именного компонента находила крепкую опору в значении того типа предложно-падежных сочетаний, который в данном случае вовлекается в процесс опредложивания. Известно, что сочетание формы винительного падежа имени существительного пространственного значения с предлогом в принадлежит к такому типу предложно-падежных сочетаний, которые как раз и служат для выражения значения направленности действия в какую-нибудь сторону.

В условиях, необычных для функционирования имени существительного сторона, выступающего при глаголах, но в сочетании с зависимым именем, называющим ориентир, сочетание в сторону функционирует уже в качестве предлога. В этом качестве сочетание в сторону начинает отличаться с конца XIX века:

а) при глаголах движения: направился в сторону реки, повернулся в сторону леса;

б) при глаголах и отглагольных именах качественного изменения состояния: разложение углекислоты как в сторону красной, так и в сторону сине-фиолетовой части (Тимирязев, «Почему и зачем растение зелено?») ^{viii}.

Степень обобщенности лексического значения предлога в сторону возрастает при его употреблении в конструкциях, главный член которых - глагол качественного изменения состояния, а зависимый – отглагольное имя.

Е.Т. Черкасова отмечает следующее: при глаголах той же семантической группы (и производных от них существительных), но в сочетании с зависимым неотглагольным именем в сторону выступает в непредложном значении: таковы, например, конструкции; поворот крестьянства в сторону пролетариата; поворот народов всего мира в сторону антивоенной политики (переход на чью-нибудь сторону) ^{ix}

Данная система выражения пространственных (локативных) отношений характерна для русского языка. В лексико-синтаксической категории носителями значений являются не слова как лексемы, а, как пишет Г. А. Золотова, синтаксические формы слов (именные группы с предлогами) ^x.

Не менее сложный и интересный путь прошли послелого пространственной ориентации (служебные имена) в тюркских языках. В крымскотатарском языке служебные имена - это промежуточная между знаменательностью и незнаменательностью категория, которая наряду со служебной функцией сохраняет и самостоятельное значение. Со временем пространственные значения в крымскотатарском языке дополнялись временными.

В состав отыменных послелогов входит особая группа слов типа алд, арт, аркъя, баш, усть, ич и другие. По терминологии В. А. Гордлевского - это "послелого-имена", по определению Н. К. Дмитриева - "служебные имена", по описанию Н. А. Баскакова - послелого, изолированные формы имен существительных" ^{xi}. Это слова, которые наряду с функциями послелогов сохраняют и самостоятельное значение. Для них характерно то, что "в служебном

(грамматикализированном) использовании, органически сливаясь с падежом и растворяя в чисто грамматических функциях свое лексическое значение, превращаются в формально-грамматический элемент, осложняющий значение падежа особыми, главным образом, пространственными значениями...^{xii}.

Следует отметить, что в процессе закрепления данных слов в служебной функции происходило абстрагирование значения, но оно не становилось полностью отвлеченным: его "отягощала" прежняя вещественность. Как отмечает А. М. Щербак, "лексические значения имен, устойчиво выполняющие служебные функции, не утрачиваются, а лишь перестают быть центрами смысловой структуры"^{xiii}.

Первоначально конкретное значение некоторых служебных имен было связано с обозначением частей тела и органов человека: они явились отправной точкой пространственной ориентации. По ассоциации сходства и смежности названия частей тела переносились на предметы, окружающие людей. Возникла примечательная ситуация: для того, чтобы сказать о местонахождении предмета за чем-либо, стали употреблять выражение аркъасында, что дословно означает – 'за спиной кого-чего-либо'. В других случаях стали говорить о "боке", "переде", "животе" предмета (горы, дома, реки и др.). В перечень этих слов включаются названия частей тела и органов человека: баш - голова, аякъ - нога, ич - нутро, внутренности, бурун - нос и др. Они дополняются одеждой и особенностями человеческой деятельности; этек - подол, чет - край, сторона, удж - край, вершина, конец, бой - рост, протяженность, а также группа слов со значением конца, меры, предела, повода.

Со временем локальные значения дополнились темпоральными: алд означает перед (местонахождение); в настоящее время в крымскотатарском языке, кроме этого значения, оно приобрело способность выражать временные отношения (раньше, за... до); ср.: эв алдында - перед домом; эки саат алдында - за два часа до...; эвнинь ичинде - в доме; бир йыл ичинде - за год.

Образование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая в большинстве случаев продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Поскольку лексические значения этих слов-трансформантов самым тесным образом связаны с грамматическими значениями падежных аффиксов, то сочетаются они только с пространственными падежами: дательным, местным, исходным. В отличие от собственно послелогов синтаксическая связь с управляемым именем оформляется с помощью изафетной конструкции.

Таким образом, эта конструкция состоит из имени и послелого, оформленного аффиксом принадлежности и падежным аффиксом [изафет II].

Итак, подобное слово в служебной функции, сочетаясь с именем, находящимся в препозиции, образует не совсем обычное изафетное сочетание, где лексические значения имен изменяются "в направлении заложенной в их семантике способности к выражению релятивности"^{xiv}.

Взятые изолированно, эти слова являются именами существительными. В вышеуказанных конструкциях они выступают в служебной функции послелого и соответствуют русским предлогам.

Исходя из синтаксической роли этих слов и семантических сдвигов, которые в них наблюдаются, мы рассматриваем их в составе отыменных послелогов. Подобные слова - результат обособления именных единиц в форме пространственных падежей:

Нияр анасынынь артындан буюк кедернен бакъып къалды, – Нияр смотрела вслед матери с большой грустью.
Бизге, XX асырнынь башларында дюньягъа кельген несильге бу девир, бу йыллар унутылмаз, фаджиалы йыллар олды йыл. – Для нас, родившихся в начале XX в., это время, эти годы стали незабываемыми.

Итак, материалы крымскотатарского и русского языков дают возможность сопоставить два состояния предложно/послеложно-падежных систем, вобравших в себя напластования разных периодов в развитии языков.

Для передачи того или иного русского предложно-падежного словосочетания в крымскотатарском языке существуют своеобразные по своей структуре эквиваленты, в которых способ соединения зависимого и главного компонентов не соответствует русским конструкциям; вместо предлогов в служебной функции употребляются послелог и служебные имена со своим порядком расположения. Каких-либо функциональных различий между этими двумя группами не существует. Основной критерий их различия - возможность сопоставления со сходными по звучанию словами, выполняющими другие функции.

К разрядам служебных имен относят слова, которые, с одной стороны, имеют материальное значение, а с другой стороны, могут употребляться как послелог для выражения пространственно-временных отношений. Служебные имена значением своей основы уже уточняют, конкретизируют значение пространственного падежа, аффикс которого они принимают.

По характеру передаваемых значений крымскотатарские послелогии мало отличаются от русских предлогов. Кроме того, послелогии, как и предлоги, указывают на подчинение слова и сочетаются с определенными падежами.

Переход знаменательных слов в служебные в русском и крымскотатарском языках - закономерный процесс. Но темп развития этого процесса, а также формы его проявления довольно разнообразны, если учесть конкретные условия разносистемных языков.

ⁱ Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. – М., 1961. – С.11.

ⁱⁱ Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982. – С.6.

ⁱⁱⁱ Там же – С.13.

^{iv} Ломоносов М.В. Российская грамматика. – С-Пб., 1785. – С.149.

-
- ^v Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. – М., 1987. – С.34.
- ^{vi} Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка //Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.-Л., 1965. – С.73.
- ^{vii} Черкасова Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов //Исследования по грамматике русского литературного языка. – М., 1955. – С.117.
- ^{viii} Там же. – С.119.
- ^{ix} Там же. – С.119.
- ^x Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – С.54.
- ^{xi} Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л., 1940. – С.188., Басаков Н. А. Каракалпакский язык. – Т.П: Фонетика и морфология. – М., 1952. – С.482.
- ^{xii} Кононов А. Н. Послелогии // Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956. – С.328.
- ^{xiii} Щербак А.М. Указ. соч. – С.57.
- ^{xiv} Черкасова Е.Т. Указ. соч. – С.12.